

Коряковцев А.А. «Экономика дефицита» Я. Корнаи в контексте «политэкономии реального социализма»: методологический аспект исследования советского общества // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 27-46.
https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_27

УДК 303.01

DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_27

«Экономика дефицита» Я. Корнаи в контексте «политэкономии реального социализма»: методологический аспект исследования советского общества

Андрей Александрович Коряковцев

Уральский государственный педагогический университет

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

*Поступила в редакцию 01.03.2023, поступила после рецензирования 31.03.2023,
принята к публикации 05.04.2023*

В статье анализируются методологические аспекты теории дефицита, разработанной венгерским экономистом Яношем Корнаи. Цель исследования – показать значение его идей для советологии и общественной науки в целом. Объектом изучения Я. Корнаи является такая малоизученная область социалистической экономики, как товарный дефицит. Для ее освещения исследователь изобретает новый категориальный аппарат («вынужденная замена», «мягкое бюджетное ограничение», «жесткое бюджетное ограничение» и т.д.), оперирует редко используемыми терминами или вкладывает в привычные термины новое содержание. Автор статьи сравнивает учение венгерского ученого с концепцией советского академика С.Г. Струмилина, разработчика «телеологического планирования», сторонника силовых и идеологических методов социально-экономического управления. Несмотря на то, что эти теории принадлежат разным эпохам и отражают разную реальность, их сравнение позволяет проследить не только эволюцию «политэкономии социализма», но и эволюцию общества, которое они описывали. Также в статье рассматриваются такие вопросы, как степень близости использованной Я. Корнаи методологии к марксистской; решенные и не решенные им проблемы; идейные предпосылки, способствовавшие его переходу в лоно сторонников «свободного рынка»; актуальность теории Я. Корнаи в постсоветское время. По мнению автора статьи, ученому удалось раскрыть закономерности тех общественных тенденций, которые игнорировала официальная советская «политэкономия социализма», однако он не избежал односторонности своих выводов, что стало шагом к идеологии «рыночного романтизма» 1990-х гг. Делается вывод о том, что идеи Я. Корнаи представляют собой поздний

© Коряковцев А.А., 2023

вариант «политэкономии социализма», но в то же время содержат в себе элементы противоположного учения – «политэкономии капитализма». В этой связи можно говорить, что учение венгерского экономиста подводит итог советской «политэкономии социализма» и открывает новую парадигму обществоведческих исследований постсоветского общества.

Ключевые слова: социализм, дефицит, товарный дисбаланс, товарное перепроизводство, политическая монополия, Я. Корнай, И.В. Сталин, С.Г. Струмили́н, телеологическое планирование, рынок

The “Economics of Shortage” by János Kornai in the Context of the “Political Economy of Real Socialism”: A Methodological Aspect of Studying the Soviet Society

Andrey A. Koryakovtsev

Ural State Pedagogical University

Yekaterinburg, Russia

E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

Received 01.03.2023, revised 31.03.2023, accepted 05.04.2023

Abstract. The article analyzes the methodological aspects of the shortage economy theory by the Hungarian economist János Kornai. The purpose of the study is to show the significance of his ideas for Sovietology and social science in general. Kornai explores such a poorly researched area of the socialist economy as the commodity shortage. To cover it, he coins a new categorical apparatus (“forced substitution”, “soft budget constraint”, “hard budget constraint”, etc.), operates with rarely used terms or puts new content into familiar terms. Kornai’s theory is compared with the theory of the Soviet academician Stanislav G. Strumilin, the designer of “teleological planning” and supporter of power and ideological methods of socio-economic management. Despite the fact that these theories belong to different eras and reflect different realities, their comparison allows us to trace not only the evolution of the “political economy of socialism”, but also the evolution of the society they described. The article also examines such issues as the degree of contiguity of the methodology used by Kornai to the Marxist one; the problems solved and unsolved by him; the ideological prerequisites that contributed to his transition to the free-market supporters’ camp; the relevance of Kornai’s theory in the post-Soviet period. According to the author of the article, the scientist managed to uncover the patterns of those social trends that the official Soviet “political economy of socialism” ignored, but he did not avoid the one-sidedness of his conclusions, which was a step towards the ideology of “market romanticism” of the 1990s. It is concluded that the ideas of Kornai represent a late version of the “political economy of socialism”, but at the same time they contain elements of the opposite doctrine – the “political economy of capitalism”. In this regard, it can be said that the theory of the Hungarian economist sums up the Soviet “political economy of socialism” and opens a new paradigm of social studies of post-Soviet society.

Keywords: socialism, shortage, commodity imbalance, overproduction of commodities, political monopoly, János Kornai, Joseph V. Stalin, Stanislav G. Strumilin, teleological planning, market

*For citation: Koryakovtsev A.A. The "Economics of Shortage" by János Kornai in the Context of the "Political Economy of Real Socialism": A Methodological Aspect of Studying the Soviet Society, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 27-46. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_2_27*

Введение

Начнем с того, что укажем на два факта советской экономической жизни так называемой сталинской эпохи. И.М. Зальцман, легендарный директор челябинского Кировского завода, чтобы успешно отчитаться о выполнении плана, жульничал: в 1947 г. в ежемесячный отчет по выпуску тракторов по его приказу включались и те машины, которые были изготовлены в первые дни следующего месяца, а в 1948 г. по его приказу с завода вывезли тракторные моторы и тут же ввезли их обратно, только через другие ворота, после чего поставили на тракторы (Сушков 2016: 116).

И еще один факт: «Перестройка подменена шумихой и бестолковым топтанием на месте. <...> Бюрократизм в управлении торговлей, излишняя централизация распределения товаров сверху, без учета характера и потребностей каждого района, господствуют... и поныне. Ташкентская база Швейсбыта недавно заслала в Тыдымский кочевой район брюки, сшитые по последней моде, пальто с вырезами и фигурными складками, пиджаки и им подобные вещи, совершенно не нужные кочевнику». Далее автор продолжает красочно описывать иррационализм в распределении, дефицит одних и одновременно перепроизводство других товаров.

Можно подумать, что это текст второй половины 1980-х гг., тем более в нем использовано слово «перестройка». Но нет! Это газета «Правда» за 1934 г.¹ Если верить либеральной историографии, это эпоха «сталинского тоталитаризма». Автор статьи – М.М. Майоров, секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). Обратим, кстати, внимание на то, что о проблемах советской экономики открыто пишет главная партийная газета страны. Но не в этом суть. Важно другое: сообщенный Майоровым факт свидетельствует о дисбалансе в сферах распределения и производства еще в довоенную, «сталинскую» эпоху, тогда как дефицит потребительских товаров обычно ассоциируют только с позднесоветским временем.

Конечно, без труда мы найдем и противоположные факты. Были в стране и честные директора, а перекосы в распределении и производстве многих товаров удавалось избежать. Вопрос в природе и причинах подобных фактов. Взглянем на них глазами двух выдающихся экономистов, теоретизировавших по поводу советской экономики: сталинского академика С.Г. Струмилина и его позднесоветского визави венгерского исследователя Я. Корнаи. Последний оставил после себя весьма неоднозначное наследие. Самое ценное в нем, на наш взгляд, – это исследование экономики советского типа (прежде всего, Советского Союза и Венгрии) в монографии

¹ Итоги партийного совещания по товарообороту // Правда. 1934. 27 июня. № 175 (6061). С. 3.

«Дефицит»², самое спорное – более поздние труды (Корнаи 1990b; Корнаи 2007; Корнаи 2012). Их мы касаться не будем.

Очевидно, что концепции С.Г. Струмилина и Я. Корнаи принадлежат разным эпохам и отражают разную общественную реальность. Их сравнение позволит показать не только эволюцию «политэкономии социализма», но и эволюцию общества, которое они описывали.

Методологические проблемы сталинской экономической теории

Следуя хронологическому принципу, прежде всего, обратим внимание на жульнические приемы И.М. Зальцмана и перекосы в распределении и производстве с точки зрения идей, изложенных в книге С.Г. Струмилина «Планирование в СССР» (Струмилин 1957). Мы не увидим в них никакой связи с существенными свойствами советской плановой экономики. Отсюда легко сделать вывод, что она преодолет их в своем развитии. Подобный ход мысли был задан И.В. Сталиным в начале 1950-х гг.: «Что значит отказаться от примата производства средств производства? Это значит уничтожить возможность непрерывного роста нашего народного хозяйства, ибо невозможно осуществлять непрерывный рост народного хозяйства, не осуществляя вместе с тем примата производства средств производства» (Сталин 1952: 57). По сути, это оправдание дефицита потребительских товаров необходимостью постоянного экономического роста. Однако оно *выглядит* логичным и убедительным только в контексте «непрерывных и бурных» (И.В. Сталин) экономических успехов тех лет. Считалось, что рост тяжелой промышленности потянет за собой и все остальные отрасли производства. В исторической же перспективе развития советской экономики данный аргумент оборачивается только желаемой *рационализацией иррационального*. Отталкиваясь от эмпирической поверхности экономических явлений, советский лидер и экономисты, мыслящие в его парадигме, не могли заглянуть далеко в будущее, раскрывающее истину современных им общественных процессов. Согласно же Я. Корнаи, вышеприведенные факты, наоборот, являются вполне закономерными и даже неизбежными для «плановой экономики».

Столь разные ответы на один и тот же вопрос обусловлены, прежде всего, предметом анализа. Теории И.В. Сталина и С.Г. Струмилина, с одной стороны, и Я. Корнаи, с другой, действительно выглядят как две крайности, но лишь потому, что описывают одну и ту же экономику, одно и то же общество, только на разных этапах развития: первые – на подъеме, вторая – в состоянии латентного разложения, когда количество подобных фактов росло, а их общественная значимость усиливалась. В условиях «общества потребления» 50–70-х гг. ни силовые, ни «идеологические» методы (столь любимые И.В. Сталиным и С.Г. Струмилиным) не позволяли достигнуть прежних

---

² Впервые опубликована на венгерском языке в 1980 г. В том же году переведена на английский язык под названием «Экономика дефицита» (Economics of Shortage). Русскоязычный перевод со второго венгерского издания вышел в 1990 г.

темпов экономического роста и были поставлены под вопрос новым поколением советских экономистов. Я. Корнаи спустя десятилетия своеобразно подвел итог новому направлению в «плановой экономике», опираясь, как и С.Г. Струмилин, на эмпирические факты, полный общественный смысл которых от него также оказался явленным лишь отчасти.

Содержательная разница их теоретических построений (обусловленная спецификой эпох, в которые они жили) дополнена методологической разницей. Прежде всего тем, что для них является исходным пунктом анализа.

С.Г. Струмилин опирался на реальные успехи советского планирования довоенных лет, тем более что эмпирическая реальность еще скрывала зарождавшиеся в обществе новые противоречия. На фоне «экономического чуда» 1930-х гг. казусы И.М. Зальцмана и те, которые были описаны М.М. Майоровым, в самом деле, казались случайностью³. Поэтому общественную реальность своей современности сталинский академик описывает идеологическими понятиями, в принципе исключающими противоречия в природе социальных явлений и, следовательно, их динамику: «народное хозяйство», «общественная собственность», «диктатура трудящихся» и т.д. Все эти понятия подчеркивают тождество общественных интересов всех социальных групп СССР. Субъект экономики в теориях И.В. Сталина и С.Г. Струмилиной – морально безупречная и обладающая высшим разумом социальная субстанция, рабочий класс, находящийся в союзе со всеми остальными стратами советского общества. Непонятно только, почему сами «собственники» (трудящиеся) через несколько десятков лет выступили за *приватизацию* «своей» собственности (как бастующие южноуральские шахтеры в 1990 г.) или молча согласились с ней.

Понятийная сетка, использованная И.В. Сталиным и С.Г. Струмилиным, рвется в клочья действительной эволюцией советского общества. Однако заметим, что легко сейчас упрекать их в фантастических предпосылках и «идеализации» директивного, силового и «идеологического» – «телеологического» (С.Г. Струмилин) – управления экономикой. Дело не в их личных иллюзиях, эти иллюзии, как бы сказал К. Маркс, имели «практический» характер, отражали *эмпирические факты* того времени, скрывавшие новые тенденции общественного развития. В конечном итоге само общество определяло подобные методы управления им со стороны государства: известно, что в строительстве московского метрополитена и Беломорканала участвовали заключенные. Но вместе с тем фактом являлся и *массовый трудовой энтузиазм*, совершенно искренний! Он отражался в идеологеме «строительства нового общества». Как английские революционеры XVII в. «строили» новую церковь, а французские конца XVIII столетия – «царство Разума», подразумевая *новое общество*, так же и «строительство коммунизма» промышленным пролетариатом само по себе никак не характеризует действительную эволюцию общественных отношений. Последнее, по К. Марксу, есть *естественно-исторический процесс*, отличный от филиации

---

³ Таким же «случайным» в общем потоке литературы 1930-х гг. выглядел, например, сверхпопулярный позже роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

идей, даже тех, которые «овладели массами» и стали «материальной силой». Массы тоже могут заблуждаться, идея, овладевшая ими, может профанироваться, в этом мы в новейшее время убеждались не раз. Поэтому, находясь в рамках марксистской методологии, исследователь советского общества не может начать с описания господствующих в данную историческую эпоху идеологием, вера в которые пусть даже в действительности имеет «всенародный» характер.

Но исследователь советского общества не может и поступить подобно К. Марксу, начавшему изучение капиталистического способа производства с анализа присущей ему формы общественного продукта, с товара, «клеточки» общественного устройства, с *абстрактного*. Исследованная К. Марксом «клеточка» – товар – содержит в себе, в «свернутом» виде, не просто общество, а конкретный *общественный способ производства*. Весьма привлекательно было бы постулировать какой-то уникальный «советский способ производства», произвольно связать его с нетоварным социализмом («посткапитализмом») и обнаружить свойственную только последнему форму общественного продукта, отличного от товара, а затем, развертывая содержание этой формы, показать анатомию советского общества. Однако мы о «советском способе производства» *изначально* не знаем ничего, кроме противоречивой эмпирии, ни на уровне его исходной «клеточки», ни на уровне вытекающих из нее общественных форм. Найти обобщающие понятия – это как раз исследовательская задача, тем более если мы договорились не относить данное общество к посткапиталистическому только на основании его самосознания. Стало быть, исследователю советской экономики не годится метод восхождения от абстрактного к конкретному. Не имея достаточных оснований для того, чтобы начать с абстрактного, он вынужден опереться на *конкретное*. В данном случае речь идет об «общественно-определенном» (Маркс 1980: 17), о совокупности непосредственно данных многообразных фактов общественной жизни, обусловленных предыдущим социальным развитием. Поскольку эти факты не приведены к своему понятию (не поняты), они предстают как многообразная, противоречащая самой себе эмпирия.

Недостаток *немарксистской советологии* состоял именно в том, что она начинала свои исследования с известного, уже понятого, очевидного, без конца воспроизводя его и кружа в одних и тех же тавтологиях. Поэтому она не покидала почву идеологии и оказалась бессильной научно предсказать крах Советского Союза. Наука же начинает с *непонятого*, но *конкретного*, непосредственно данного в созерцании и представлении, и далее анализирует его со всех доступных сторон. Цель этого анализа – вычленение абстрактных моментов эмпирического материала, противоречащих друг другу. Благодаря фиксации противоречия удастся сформулировать теоретическую *проблему*, а, как известно, правильная постановка проблемы содержит в себе ее решение, дальнейшее развитие знания. Оттолкнувшись от конкретного, опосредованного, многообразного, противоречащего себе, наука через абстрактное приходит к обобщению, конкретному понятию, истине – *новому уровню конкретности*.

Рассматривая советскую эпоху, мы можем констатировать, что в течение всех ее периодов сохранялись и воспроизводились в тех или иных формах *элементы* старого, капиталистического, способа производства: деньги, банковская система, рынок (в разных социально-юридических статусах, в том числе нелегальном) и т.д.; словом, все, что служит выражением товарно-денежных отношений. Их воспроизводство в советской экономической системе пытался осмыслить И.В. Сталин. Он рассуждал так: «...наше товарное производство представляет собой не обычное товарное производство, а товарное производство особого рода, товарное производство без капиталистов, которое имеет дело в основном с товарами объединенных социалистических производителей (государство, колхозы, кооперация), сфера действия которого ограничена предметами личного потребления, которое, очевидно, никак не может развиваться в капиталистическое производство...» (Сталин 1952: 42).

Но, как обнаружилось в конце XX столетия, *может*. Следовательно, что-то И.В. Сталин не учел. Не учел он (и не мог учесть) всей полноты исторического развития общественных отношений в СССР и странах советского блока, в ходе которого на поверхность общественной жизни выходили скрытые общественные противоречия. Можно сказать, он дедуцировал свою теорию советской экономики из универсалистских понятий вроде «диктатуры пролетариата» и «общественной»/«всенародной» собственности, отождествленной им с собственностью государственной, колхозной, кооперативной. Сами эти понятия не выводятся из действительных общественных отношений, а просто постулируются как партийные лозунги, вполне, правда, соотносимые с общественными настроениями и массовыми ожиданиями эпохи мировой революции промышленного пролетариата.

Однако природу товарно-денежных отношений, вопреки И.В. Сталину (Сталин 1952: 27-46), не изменяет тот факт, что советское общественное сознание претендовало на то, чтобы их превзойти даже практически. Не изменяет, ибо общественное сознание не могло выйти за пределы таких факторов социального развития, как разделение труда (в данном случае существующего в форме, свойственной индустриальной эпохе) и принудительный характер самого труда (Маркс 2010: 324, 329, 343; Коряковцев, Вискунов 2017: 435-437), которые объективно и с неизбежностью порождают вертикальные, иерархические социальные связи. Постепенно, но неуклонно, эти общественные условия определяли социальную структуру советского общества отличным от партийных установок образом, порождая разницу интересов социальных групп. Следует признать, что развитие советского общества в целом было стихийным, *естественно-историческим*, а не плановым в том смысле, что оно было подчинено не единой цели кого бы то ни было (партии, общества, господствующего гражданского класса или государства), а представляло собой равнодействующую разных, порой противоположных, интересов. Советская история изображается так же, как Ф. Энгельс описывал логику истории любого классового общества: «...история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения» (Энгельс 1965: 395-396).

Вместе с тем согласимся с И.В. Сталиным, что товарно-денежные отношения не обязательно должны порождать капитализм (Сталин 1952: 37-38). Но они могут порождать новое *превращение* капиталистического способа производства, хотя и скрытое иллюзорно-всеобщими идеологическими формами пролетарской революции и созданной советским государством социально-перераспределительной системой (Коряковцев 2021b: 140-151). Товарно-денежные отношения в данных условиях служат предпосылкой новых частных интересов и их противоречий, принимаемых за рудименты «старого порядка», но в действительности закономерно воспроизводимых. Руководитель Советского государства, не усматривая подобной перспективы и говоря об «общенародной» собственности и т.п., принимал за решение социальных проблем то, что на самом деле являлось лишь частью проблемы.

Можно ли считать метод Я. Корнаи марксистским?

Даже при поверхностном взгляде на советское общество исследователь, едва начав его анализ, натывается на противоречия между общественной практикой и общественным сознанием и на противоречия в самой общественной практике. Это позволяет сформулировать проблему советского общества: оно *еще* оставалось рыночным и *уже* не было таковым (Koriakovtsev 2017: 70). Именно так и изображает его венгерский экономист Я. Корнаи, используя социально-экономический материал позднесоветской эпохи, в котором данное противоречие проступает уже достаточно зримо.

Я. Корнаи безжалостно отбрасывает почти все традиционные «сталинские», «струмилинские», *иллюзорно-всеобщие* идеологемы, ибо имеет перед собой эмпирическую реальность, отвергающую их. Он возмущается: «...воображаемые свойства идеальной картины, утопии совершенного общества называют “объективным законом”, в то время как настоящие внутренние противоречия реального общества даже не упоминаются. Остается неудовлетворенным самое важное требование, предъявляемое к научной работе: сопоставление определения и утверждения с наблюдением, опытом, фактами» (Корнаи 1990а: 19).

Среди прочих здесь могут иметься в виду факты, связанные с тем, что бескорыстный трудовой энтузиазм масс во второй половине XX в. сменился массовыми потребительскими практиками и массовой потребительской психологией, предполагающими «материальное поощрение труда». Когда-то единичные «зальцманы» (жуликоватые директора предприятий) представляли уже влиятельную социальную группу, и каждый из них обладал своим специфическим интересом, отличным от интереса экономического целого (выходит, *частным* интересом). И это несмотря на *правовое* существование в обойме «общественной» собственности и партийной иерархии! Планирование в сфере производства общественных благ, по определению подразумевающее совпадение замысла и результата, парадоксальным образом оборачивалось непредсказуемым и хроническим исчезновением сырья, материалов и оборудования и, как следствие, исчезновением произведенно-

го продукта – *дефицитом* всего этого. Перед лицом многочисленных фактов экономической жизни «реального социализма» Я. Корнаи по необходимости не мог рассуждать, как И.В. Сталин, С.Г. Струмилин или как сотни других советских экономистов. Экономическая реальность советского общества в его исследовании обрела свою собственную логику, отличную от правовых и идеологических фикций. В этом смысле труд Я. Корнаи едва ли не единственный в мировой экономической литературе, рассматривающий советское общество таким образом. Это сближает его с исследованиями К. Маркса. В отказе от традиционных советских идеологем больше марксизма, чем во всей официальной «марксистской» литературе той эпохи, которая волюнтаристски выбрасывала советское общество из естественно-исторического процесса, сводя его историю либо к противоборству правящих группировок, либо к решениям победившей группы.

Однако все же поостережемся навязывать Я. Корнаи верность марксистской методологии. Дело в том, что вышеупомянутое достоинство его исследования (благодаря которому он сделал многие проницательные замечания) достигается предельной *формализацией* социоэкономического анализа. Какой контраст с подходом К. Маркса, научный анализ которого всегда *антропологичен* в том смысле, что постоянно держит в фокусе «живых человеческих индивидов» (Маркс 1955: 19)! Материалистическая диалектика позволяет ему совмещать социологический холизм с философской антропологией (Любутин, Кондрашов 2007: 45-59; Коряковцев 2021а: 288). Ничего подобного даже близко у Я. Корнаи мы не найдем. Людей как общественных субъектов в его исследовании нет, есть «структуры» и «институты» («предприятия»). В этом он ближе к структурализму, в том числе «дегуманизированному марксизму» Л. Альтюссера, нежели к Марксу.

Если в теории Я. Корнаи нет общественных субъектов в виде общественных индивидов, то нет и их истории. Описываемые явления лишь постулируются. История послевоенной венгерской экономики автором делится на два этапа: до реформы 1968 г. и после нее, но эти два состояния просто схватываются в статике, их развитие не анализируется (Корнаи 1990а: 20). Проследим ход мысли исследователя.

Односторонность анализа Я. Корнаи и действительная проблема советской экономики

Свой анализ Я. Корнаи начинает с *предприятия*, работающего по производственному плану, спущенному сверху, по ступеням бюрократической иерархии, или составленному им самостоятельно (Корнаи 1990а: 47). Можно подумать, что исследователь идет по стопам А.А. Зиновьева, произвольно принявшего за «клеточку» общественного устройства такой фрагмент советских социальных отношений, как «коммунальность» или «коммунальный коллектив», противостоящий товарным, рыночным отношениям (Зиновьев 1994: 63-79). Но акценты у Я. Корнаи расставлены иначе.

Во-первых, он прямо признает, что субъектом управления предприятий являются не коллективы работников, а руководители предприятий,

директора (Корнаи 1990а: 88-90). Хотя последние интегрированы в «бюрократические отношения зависимости» (Корнаи 1990а: 89), именно они выражают интересы предприятий. Когда в повествование автора, полное цифр и графиков, однажды *внезапно* врывается рассуждение об определяющей роли психологических факторов, это касается только руководителей предприятий как наиболее общественно значимых социально-экономических субъектов (Корнаи 1990а: 89-90).

«Социалистические» предприятия вместе со своими директорами находятся в своеобразной общественной ситуации. Каждое из них (точнее, его руководство) стремится к неограниченному росту объемов выпускаемой продукции, ибо работает на *плановый показатель* и заинтересовано в его достижении и превышении (перевыполнении плана). Нехватку капиталов всегда можно возместить либо льготными кредитами из госбанка, либо ссудами из государственного бюджета: предприятия обеспечены системой централизованного снабжения, поскольку пребывают в структуре «общественной» (государственной) собственности. Платежную способность населения государство тоже способно увеличить. Остается только один ограничитель их деятельности – *материальные ресурсы*. Тогда как при капитализме классического типа рост предприятия ограничивается спросом (Корнаи 1990а: 52).

Готовность и, самое главное, способность государства всегда снабдить предприятие капиталом Я. Корнаи назвал «мягким бюджетным ограничением» (Корнаи 1990а: 328). С одной стороны, заинтересованность директоров в росте своих предприятий, с другой – источник этого роста в виде «мягкого бюджетного ограничения», исключая банкротство должников, делали предприятия независимыми от реальных потребностей покупателей, от спроса, следовательно, от прибыли, получаемой вследствие платежной способности населения. Прибыль здесь была *минимизирована*, добавим от себя (Коряковцев 2021b: 150), или вовсе исключена. В последнем случае предприятие работало в долг, следуя самой логике данной экономической системы, воспринимаемой как общественная норма. Это порождало диспропорции в распределении финансовых ресурсов, становящиеся причиной всякого иного дефицита, в том числе потребительского.

Я. Корнаи прослеживает цепочку взаимозависимостей, превращающую локальный дефицит в цунами, накрывающее всю экономику. В том случае, если предприятию не хватает какого-либо ресурса для производства, оно может закрыться (что в данных условиях исключено), может произвести «вынужденную замену» (например, использовать материал другой марки или худшего качества), переключиться на выпуск другой продукции (тогда потребность в прежней не будет удовлетворена) или сделать запасы сырья и материалов. Все эти способы *приспособления к дефициту* нарушают либо технологию производства, либо производственную программу, план. Последнее обстоятельство порождает *потребительский дефицит*. К этому следует добавить, что предприятие (его руководство) осознает, что в условиях неудовлетворенного спроса его продукция все равно будет раскуплена. Поэтому оно не заинтересовано

в качестве продукции или в обновлении модельного ряда. Так дефицит порождает технический застой.

Все эти проблемы постепенно накапливались, порождая экономический кризис сначала в латентном (70-е гг., на этом материале и написана работа Я. Корнаи), потом в открытом (вторая половина 80-х гг.) виде.

Обратим внимание на то, что, исследуя ранее плохо изученную область экономики послевоенного «восточного блока» – *дефицит*, Я. Корнаи вынужден изобретать новый категориальный аппарат, оперировать непопулярными терминами или в привычные термины вкладывать новое содержание: «вынужденная замена», «мягкое бюджетное ограничение», «жесткое бюджетное ограничение», «отсос», «внутризаводская безработица», «приспособление» и т.д. Однако при этом анализируемое общество и, следовательно, анализируемую экономику он продолжает увязывать с *социализмом*, по определению противостоящим *капитализму*. Это можно интерпретировать по-разному: либо как уступку цензуре, либо как методологическую непоследовательность. Непоследовательность проявляется здесь в том, что анализ исследователя выявляет в «социалистической» экономике как раз *несоциалистические* свойства и тенденции: властную вертикаль вместо декларируемого государством народовластия, обособленный (частный) интерес директоров (предполагающий по необходимости еще чей-то частный интерес), хаотичность и непредсказуемость производственных отношений вместо плановости и т.д.

В этой связи интересно такое наблюдение венгерского экономиста: «Сегодня (на рубеже 70–80-х гг. – А.К.), когда в развитых капиталистических странах снова обострилась проблема безработицы, в печати и на международных форумах специалистов часто высказываются одобрения в адрес руководства социалистических государств в связи с их “продуманной политикой занятости”, которая не отступает от основного принципа полной занятости. Эта похвала, однако, относится не к политике, а к системе. <...> ...Объяснение рассмотренного выше процесса лежит не на уровне правительственной политики, а скрывается гораздо глубже. Это объяснение закономерно вытекает из самой системы: если для нее характерна ограниченность ресурсов, то должны возникать неутолимый инвестиционный голод, внутреннее стремление к расширению и, следовательно, потенциальный резерв рабочей силы рано или поздно будет поглощен» (Корнаи 1990а: 283). Чем или кем поглощен? Перелистываем назад, находим ответ на этот вопрос: «Избыток этого предложения (рабочей силы. – А.К.) находит себе применение в “теневой экономике”, что, с одной стороны, увеличивает интенсивность дефицита рабочей силы в “первой экономике”, а с другой – уменьшает здесь скрытый резерв рабочей силы. Кроме того, это сокращает свободное время многих людей, заставляя их подчас работать дополнительно, хотя нередко “халтурой” занимаются и в течение официального рабочего времени» (Корнаи 1990а: 279).

«Теневая экономика» по определению не может функционировать на основе «общенародной», «общественной» собственности, она опирается на частную собственность, представляя собой лишь нелегитимный

вариант рыночной экономики. Выходит, «теневая экономика» – это «свое иное» экономической системы советского типа, чудовище, порождаемое ею из своих собственных достоинств. Легализованное во время кризиса середины 1980-х гг. в виде «кооперативов» и усиленное интересом комсомольской и партийной номенклатуры, оно вскоре безжалостно проглотит породившую его систему. Без труда здесь можно увидеть механизм самоотрицания (или механизм «снятия») общественных систем, принятый в марксистской традиции. Но вот произошло ли в данном случае полное «снятие», то есть полная и последовательная трансформация «экономики дефицита» в ее противоположность? Ответа на этот вопрос в работе Я. Корнаи мы не найдем. Но из приведенных выше размышлений венгерского экономиста следуют и другие вопросы, «неудобные» как для советских, так и несоветских идеологов. Как может «общественная собственность», увязываемая с социализмом, стихийно порождать свою противоположность, собственность *частную*? Является ли она *общественной* в таком случае? Если нет, то тогда какой?

Таким образом, сама логика объективного исследования заставляет Я. Корнаи проблематизировать «сталинско-струмилинскую» понятийную сетку, применяемую для описаний советских реалий. На 455 страницах своего исследования «социалистической экономики» он всячески избегает называть ее «рыночной». И вот, наконец, в завершающей части своего труда, фиксирует в ней «признаки рынка», несмотря на то что ранее подчеркивал господство в ней администрирования (Корнаи 1990а: 455). Однако, вместо того чтобы увидеть в этом противоречие самой общественной системы, автор сразу же прячется за «многозначностью термина рынок», переводя дискуссию в спор о словах (Корнаи 1990а: 455-456). Очевидно, что логика исследования Я. Корнаи движется в рамках фундаментального противоречия «реального социализма», сформулированного нами выше. Однако его мысль запинаясь о советскую понятийную сетку и не идет дальше робких возражений против нее.

Эта непоследовательность венгерского экономиста особенно ярко проявилась в одном из самых интересных и содержательных разделов его монографии, в седьмом параграфе тринадцатой главы, который называется «Наблюдения, касающиеся социалистической и капиталистической экономики» (Корнаи 1990а: 333-336). В нем содержатся очень важные тезисы, к сожалению, или не развитые автором, или развитые недостаточно, или развитые в такой форме, что возникает больше вопросов, нежели ответов.

Автор различает два капитализма (идея продуктивная, но совсем не известная многим современным исследователям, особенно левой ориентации, для которых существует только один капитализм XIX в.): «капитализм с жестким бюджетным ограничением» и «капитализм с мягким бюджетным ограничением» (нетрадиционный, выходит, капитализм).

Это и вызывает вопросы: какая социальная сила ограничивает бюджет капиталистических предприятий, хоть и «мягко»? Если это происходит, то кто их реальный собственник, контролирующий всю полноту принятия решений относительно данных средств производства? Не формальный юридический владелец, а именно *реальный собственник*? Как

вообще возможно это ограничение в условиях декларируемого господства частной капиталистической собственности?

Описанный Я. Корнаи «капитализм с мягким бюджетным ограничением» – это *донеолиберальный*, «кейнсианский» европейский капитализм 50–60-х гг. с высокой долей государственного регулирования рынка, фиксацией прибылей, сильными профсоюзами, протекционизмом и т.п. (Корнаи 1990а: 334). Словом, со всем тем, от чего откажутся более поздние неолиберальные правительства, чтобы привести свои национальные экономики к мировому кризису 2008–2009 гг. Венгерский экономист группирует все эти новые явления послевоенного капитализма, чтобы «показать их влияние на процесс смягчения бюджетного ограничения капиталистического предпринятия» (Корнаи 1990а: 335).

Я. Корнаи выделяет «мягкое бюджетное ограничение» в качестве существенного признака «традиционной социалистической экономики» (до-реформенной, «сталинской») (Корнаи 1990а: 336). Но тогда оказывается, что по этому признаку между тем, что автор называет «традиционным социализмом», и капитализмом, который можно считать *нетрадиционным*, разница концентрируется лишь в сферах политической и идеологической риторики правящих кругов, в сфере *надстройки*, но никак не в сфере *социально-экономического базиса*. В таком случае есть ли смысл сохранять за ними прежние названия «социализм» и «капитализм» (взятые именно в оппозиции)? Фактически мы имеем своеобразный симбиоз рыночной и нерыночной экономики, как в Советском Союзе, так и на Западе, симбиоз, название которому еще не придумано и закономерности которого еще мало исследованы. Но уже ясно, что законы и свойства данного типа экономики не тождественны как законам и свойствам «чистого» капиталистического рынка, так и законам и свойствам «сталинско-струмилинского» социализма, а раз так, перед нами иная, уникальная модель экономики.

Итак, Я. Корнаи убедительно показал, что советская экономика является не капиталистической, в том числе и не *госкапиталистической*, вопреки Т. Клиффу (Клифф 1991), даже не «кейнсианской». Но не объяснил, в силу каких причин ее можно считать *социалистической*. К рынку, существовавшему в рамках советской системы, можно «пришпандорить» предикат «социалистический» (как это делали часто в перестройку), но это не решит, а только обострит проблему.

«Социалистическая» экономика оказывается представленной в исследовании Я. Корнаи только со своей негативной стороны, со стороны *дефицита*: «Основное положение, выдвигаемое и разрабатываемое в книге, заключается в следующем: экономическая система, характерная для социалистического народного хозяйства до реформ, преследующих децентрализацию управления, неизбежно порождает дефицит» (Корнаи 1990а: 20). Общественная роль последнего предстает настолько гипертрофированной, что экономику данного типа автор называет «экономикой дефицита» (Корнаи 1990а: 20). При этом он делает вывод, что «дефицит не является следствием экономической отсталости страны» (Корнаи 1990а: 494). Из этого вытекает, что последний не может быть и следствием *застоя*

промышленного производства. Почему? Потому что дефицит постоянно дополнялся и компенсировался *перепроизводством* товаров. Образно выражаясь, советская экономика производила X левых башмаков и Y правых. Сам Я. Корнай имеет в виду что-то подобное, когда пишет о «вынужденной замене», совершаемой домашними хозяйствами (Корнай 1990а: 405). Чтобы замена произошла, нужно, чтобы заменитель имелся в достатке. Однако постоянное *перепроизводство* товаров (в том числе ширпотреба) автором только упоминается, но не анализируется.

Тем не менее нарисованная самим Я. Корнаи картина экономики «реального социализма» такова, что исчерпывающим, наиболее точным, образом ее нужно характеризовать не только как «экономику дефицита», но и товарного избытка *одновременно*, то есть как *экономику хронического товарного дисбаланса*. Исследование венгерского экономиста выиграло бы, если бы с самого начала вопрос был поставлен именно так. Но феномен товарного перепроизводства едва обозначен, он пишет о нем как о явлении второстепенном.

Таким образом, общественная реальность схватывается Я. Корнаи односторонне. По причине этой однобокости ему не удастся сформулировать действительную проблему советской экономики как *товарный дисбаланс*. Неверно сформулированная проблема вследствие редукции к дефициту повлекла за собой и ошибочные средства ее решения в духе «рыночного романтизма» (Корнай 2012), обосновавшего практику, в результате которой дефицит товаров народного потребления сменился дефицитом денежных средств у населения, закономерно повлекшим за собой спад промышленного производства. Исследовательская установка Я. Корнаи на «сопоставление определения и утверждения с наблюдением, опытом, фактами» обернулась в новых исторических условиях декларацией.

Политическая монополия как условие «мягкого бюджетного ограничения»

Итак, в своем исследовании Я. Корнай исходит из двух фактов: 1) дирекция предприятий всегда стремится к росту объемов продукции; 2) имеет место «мягкое бюджетное ограничение», которое состоит в том, что государство всегда готово и, самое главное, *способно* снабдить предприятие капиталом. Причем это происходит таким образом, что предприятие становится хроническим должником (читай: банкротом), продолжая выпускать продукцию (даже низкого качества и никому не нужную). Его никто не банкротит, никто не требует отдать долг (это невозможно, ибо предприятие признается «общественным»). Все это, вместе взятое, порождает цепочку экономических диспропорций, что и влечет за собой дефицит ресурсов, а потом и потребительский дефицит.

Откуда берется первое, ясно: *директора*, администрация, «рабочая» бюрократия, работают на плановый показатель и заинтересованы в его достижении и превышении (перевыполнении плана), даже за счет ущемления интересов других предприятий. От этого зависело их место в бюрократи-

ческой иерархии и, следовательно, объем получаемых привилегий. В этом заключается *частный интерес директоров*, выступающий под прикрытием идеологии и бюрократической иерархии как их *всеобщий интерес*. В данном случае производители предстают в роли конкурирующих друг с другом потребителей ресурсов. Рыночная конкуренция в советской экономике воспроизвелась, будучи вытесненной в сферу потребления (Коряковцев 1994).

Но откуда у государства бесконечный избыток капитала, обеспечивающий жизнь убыточным предприятиям? Ответить на этот вопрос необходимо, чтобы продвинуться дальше по пути выяснения всей совокупности причин товарного дисбаланса.

В исследовании Я. Корнаи отсутствует прямой ответ на данный вопрос, но содержится подсказка: «...дефицит постоянно воспроизводится до тех пор, пока доминирующим отношением в производстве остается вертикальная зависимость предприятия» (Корнаи 1990а: 21). Под «вертикальной зависимостью» здесь необходимо понимать встроенность *директоров* предприятий в иерархию партийно-государственных должностей, на основании чего они и получали свою долю ресурсов.

Распределяющий ресурсы должен обладать *монопольной* собственностью на средства производства. Тот, кто монопольно контролирует бюджет и источник его пополнения, не озадачивается вопросом об объемах бюджета, он сам их определяет, исходя исключительно из своих потребностей. Он является не только единственным легитимным собственником, но и реальным субъектом спроса, хотя с точки зрения граждан это выглядит так, что «продавец получает превосходство над покупателем» (Корнаи 1990а: 18). Но это происходит лишь потому, что не граждане здесь контролируют спрос.

Этот реальный собственник не может быть обеспечен прибылью с рыночных операций (обменов), иначе говоря, он не может быть буржуазией. Буржуазия слишком зависит от рыночных колебаний и не способна обеспечить бесконечные инвестиции убыточным предприятиям. В данных условиях монопольный собственник *заведомо* всем обеспечен и напрямую не зависит от рынка благодаря *бюрократической ренте* (Коряковцев 2021b: 142). Собственника здесь интересует не обращение (возврат) капитала предприятиями, а воспроизводство *политической монополии*, обеспечивающей ему бюрократическую ренту. Отсюда и силовые (политико-административные) методы управления экономикой: в иных методах у правящих кругов просто нет потребности. Но кто этот могущественный собственник, если это не буржуазия и не трудящиеся?

Если мы свели все дело к политической монополии и бюрократической ренте, то ответ напрашивается сам собой: это высшая политическая бюрократия, известная как номенклатура, выступающая в качестве единой, иерархически разделенной, управленческой корпорации. Существует огромное количество трудов, от М. Джиласа (Джилас 1992) и М.С. Восленского (Восленский 1991) до А.Н. Яковлева (Яковлев 2001) и Р.И. Хасбулатова (Хасбулатов 1991), описывающих политические механизмы ее власти. Во всех этих работах изображена картина, где власть номенклатуры выглядит

исключительно как политический произвол и результат силовых и идеологических методов управления. Необходимо признать, что это является перевернутым изображением И.В. Сталина и С.Г. Струмилина, тавтологией с противоположным знаком. Историческая и экономическая необходимость данной системы власти, ее объективные закономерности и общественные условия воспроизводства здесь остались непознанными, а теории, авторы которых пытались их исследовать, прежде всего, теории Я. Корнай и А.А. Зиновьева, оказались невостребованными обществом и властью, никак не повлияв в 1980–1990-е гг. на общественное развитие.

Сейчас понятен назревающий в позднюю советскую эпоху конфликт между «директорами»-управленцами, «рабочей» бюрократией и бюрократией политической, носителем «социалистических», иллюзорно-всеобщих идеологических форм. Этот конфликт обострился, когда рухнули цены на нефть, когда дефицит ресурсов и товаров стал настолько непреодолимым к середине 80-х гг., что все традиционные советские способы их выколачивания уже не срабатывали. Вот тогда и началась деструкция советской общественной системы под названием «перестройка», и далеко не случайно она началась с саморазрушения партийной иерархии и критики коммунистической идеологии, не только скрывавших за собой рыночные реалии (реалии превращенного рынка), но и придававших целостность советскому государству и обществу. Как только эти советские «скрепы» рухнули, наименее стесненные идеологическими шорами получатели бюрократической ренты получили возможность конвертировать свои должности в капитал, в прибавочную стоимость. Наступила эпоха неолиберализма 1990-х гг.

Заключение

Политэкономия обществ советского типа, более известная как «политэкономия реального социализма», послушно следовала всем изгибам развития исследуемого общества, освобождаясь от идеологем революционной эпохи и закономерно превращаясь в «свое иное», в «политэкономия капитализма». Она прошла путь от постулирования понятий, унаследованных от революции промышленного пролетариата, до их проблематизации, от апологетики силовых (политико-административных) и идеологических методов управления до косвенного признания рыночного характера советской экономики, подразумевавшего отрицание ее плановости. Так она проявляла стремление к научности, но, наконец, став «политэкономией капитализма» в конце 80-х и в 90-е гг. в форме «рыночного романтизма» Е.Т. Гайдара, Г.Х. Попова, Л.И. Пияшевой и др., она не стала наукой *par excellence*, подчинившись новым идеологемам как массового сознания, так и государственных лидеров.

Таким образом, развиваясь в условиях советской и пореформенной эпох, политэкономия не предвосхищала исторические события на основе знания закономерностей общественного развития, как положено науке, а выражала интересы определенных общественных сил, противоречащих этому знанию. Тем самым, так сказать, «от обратного», она подтверждала

истину, воплощенную в «Капитале» К. Маркса: она способна быть наукой, только выходя за свои собственные пределы, только становясь *критикой политической экономии*.

Выше мы сформулировали проблему советского общества следующим образом: оно *еще* оставалось рыночным и уже не было таковым. Данное противоречие воплотилось в *превращенных формах рыночной экономики*, описанных Я. Корнаи как формы *социализма*. Развивая его идеи, можно сделать вывод: фундаментальной проблемой экономики советского типа является *проблема товарного дисбаланса*. Желанная для идеологов неосоветизма реанимация «плановой экономики» в ее директивном, «дореформенном» (Я. Корнаи), «сталинско-струмилинском» виде неизбежно воспроизведет товарный дисбаланс со всеми его социальными последствиями. До тех пор, пока не дан ответ на вопрос, каким образом его избежать, неосоветский проект возрождения директивного планирования принадлежит к разряду утопических в том смысле, что он не приведет к желаемым результатам.

Не менее несостоятельными оказались и позднесоветские эпигоны неолиберальной теории. Определив советскую экономику как «административно-командную систему», они проигнорировали тот факт, что это тоже рыночная экономика, только *другая*, существующая в иных общественных условиях. Особо следует отметить, что понятие «командно-административная экономика» не из лексикона венгерского экономиста. Более того, это понятие извращает его концепцию. Согласно Я. Корнаи, «экономика дефицита» выстраивается снизу вверх, как реализация интересов предприятий, находящихся *внизу* бюрократической иерархии. А ни в коем случае не сверху вниз, не вследствие административных команд государства. Причем Корнаи подчеркивает, что каждое из этих предприятий обладает частным, обособленным интересом, хотя юридически оно считается частью «общественной собственности».

Эта ошибка привела перестроечных экономистов к противопоставлению «свободного рынка» и советской экономики. Средством выхода из «экономики дефицита» были признаны «рыночные реформы». Таким образом, оказалось, что карты, бывшие у реформаторов на руках, не соответствовали не только их цели достигнуть «капитализма с человеческим лицом», но и желанию двигаться куда-либо вообще. Общество, вовлеченное в социальные перемены, только имитировало их. Оно оказалось способным лишь воспроизвести системные бюрократические общественные связи: «переход к рыночной экономике» осуществлялся силовыми (политико-административными) методами (рейдерскими захватами и политическими решениями, не обоснованными экономически) и оправдывался идеологией, выражающей социальное *желаемое* и социальное *воображаемое*, а не практический опыт; одним словом, «по-сталински» и «по-струмилински», только с иными результатами. На смену «красному» сталинизму пришел «белый».

Подобная общественная эволюция наполнена идеологическими сублимациями и исключает формирование социального субъекта, способного создать альтернативу наличному социальному порядку. В данном случае имеет место лишь дальнейшее превращение рыночных отношений. Это

означает не слом, а *развитие* той социально-экономической системы, которая возникла в СССР 1920–1930-х гг. и которая, очевидно, до сих пор не исчерпала свой исторический потенциал.

Значение теории Я. Корнаи в связи с данной общественной эволюцией трудно переоценить: она подводит итог советской «политэкономии социализма» и открывает новую парадигму обществоведческих исследований постсоветского общества. Несмотря на свою противоречивость и неполноту (или, точнее, благодаря им), она предстает в качестве исходной теоретической точки анализа современного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Восленский М.С. 1991. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Москва : Советская Россия : Октябрь. 624 с.

Джилас М. 1992. Лицо тоталитаризма. Москва : Новости. 544 с.

Зиновьев А.А. 1994. Коммунизм как реальность. Москва : Центрполиграф. 495 с.

Клифф Т. 1991. Государственный капитализм в России. Ленинград. 286 с.

Корнаи Я. 1990а. Дефицит. Москва : Наука. 607 с.

Корнаи Я. 1990б. Путь к свободной экономике. Страстное слово в защиту экономических преобразований. Москва : Экономика. 150 с.

Корнаи Я. 2007. Силой мысли. Неординарные воспоминания об одном интеллектуальном путешествии. Москва : Логос. 448 с.

Корнаи Я. 2012. Размышления о капитализме. Москва : Издательство Института Гайдара. 352 с.

Коряковцев А., Вискунов С. 2017. Марксизм и полифония разумов. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 684 с.

Коряковцев А.А. 1994. Политическое самоотчуждение труда и проблема социалистической революции : автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Екатеринбург. 22 с.

Коряковцев А.А. 2021а. Диалектический синтез в социальной теории К. Маркса // Маркс утраченный, Маркс обретенный. Книга о философии Маркса и о том, как и почему в России ее потеряли и обрели вновь / под ред. А.А. Коряковцева. Москва ; Екатеринбург : ИФИП УрО РАН : Кабинетный ученый. С. 280-296.

Коряковцев А.А. 2021б. Современная трансформация капиталистического общества и актуальность методологии классического марксизма // Философские науки. № 4. С. 133-159.

Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. 2007. Философская антропология Карла Маркса. Екатеринбург : Издательство Уральского университета. 240 с.

Маркс К. 1980. Экономические рукописи 1857–1867 гг. (Первоначальный вариант Капитала) : в 2 ч. Ч. 1. Москва : Издательство политической литературы. 564 с.

Маркс К. 2010. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. Москва : Академический проект. 775 с.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 3. Москва : Государственное издательство политической литературы. С. 7-544.

Сталин И.В. 1952. Экономические проблемы социализма в СССР. Москва : Государственное издательство политической литературы. 223 с.

Струмилин С.Г. 1957. Планирование в СССР. Москва : Государственное издательство политической литературы. 96 с.

Сушков А.В. 2016. Дело «танкового короля» Исаака Зальцмана. Екатеринбург : Институт истории и археологии УрО РАН. 300 с.

Хасбулатов Р.И. 1991. Бюрократическое государство. Москва : Мегаполис-Таком : Русская энциклопедия. 256 с.

Энгельс Ф. 1965. Йозефу Блоху в Кенигсберг, Лондон, 21–22 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 37. Москва : Издательство политической литературы. С. 393-397.

Яковлев А.Н. 2001. Омут памяти. От Столыпина до Путина : в 2 кн. Кн. 1. Москва : Вагриус. 624 с.

Koriakovtsev A. 2017. *Daquela sociedade sovietica* // *Tempos novos*. No 246. P. 70-71.

References

Cliff T. *State Capitalism in Russia*, Leningrad, 1991, 286 p. (In Russ.).

Djilas M. *The Face of Totalitarianism*, Moscow, Novosti, 544 p. (In Russ.).

Engels F. Engels to Joseph Bloch in Königsberg, London, September 21–22, 1890, *Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 37*, Moscow 1965, pp. 393-397. (In Russ.).

Khasbulatov R.I. *The Bureaucratic State*, Moscow, Megapolis-Takom & Russkaya entsiklopediya, 1991, 256 p. (In Russ.).

Kornai J. *By Force of Thought: Irregular Memoirs of an Intellectual Journey*, Moscow, Logos, 1990, 448 p. (In Russ.).

Kornai J. *Reflections on Capitalism*, Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2012, 352 p. (In Russ.).

Kornai J. *The Road to a Free Economy. Passionate Speech in Defense of Economic Transformation*, Moscow, Ekonomika, 1990, 150 p. (In Russ.).

Kornai J. *The Shortage*, Moscow, Nauka, 1990, 607 p. (In Russ.).

Koryakovtsev A., Viskunov S. *Marxism and the Polyphony of Rationalities*, Moscow & Yekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy, 684 p. (In Russ.).

Koryakovtsev A.A. *Daquela sociedade sovietica* [Soviet Society], *Tempos novos*, 2017, no. 246. pp. 70-71. (In Galician).

Koryakovtsev A.A. *Dialectical Synthesis in Marx's Social Theory*, Koryakovtsev A.A. (ed.) *Marx Lost and Marx Regained. A Book on Marx's Philosophy: How and Why It was Lost and Regained in Russia*, Moscow & Yekaterinburg, Institut filosofii i prava UrO RAN & Kabinetnyy uchenyy, 2021, pp. C. 280-296. (In Russ.).

Koryakovtsev A.A. *The Modern Transformation of Capitalist Society and the Relevance of Classical Marxist Methodology*, *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 4, pp. 133-159. (In Russ.).

Koryakovtsev A.A. *The Political Alienation of Labor and the Problem of the Socialist Revolution: PhD thesis abstract*, Yekaterinburg, 1994, 22 p. (In Russ.).

Lyubutin K.N., Kondrashov P.N. *Karl Marx's Philosophical Anthropology*, Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2007, 240 p. (In Russ.).

Marx K. *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844 and Other Early Philosophical Works*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2010, 775 p. (In Russ.).

Marx K. *Economic Manuscripts of 1857–1867. (The Initial Version of Capital): in 2 books. Book 1*, Moscow, 1980, 564 p. (In Russ.).

Marx K., Engels F. 1955. *The German Ideology*, *Marx K., Engels F. Collected Works. Vol. 3*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, pp. 7-544. (In Russ.).

Stalin J.V. *Economic Problems of Socialism in the USSR*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1952, 223 p. (In Russ.).

Strumilin S.G. *Planning in the USSR*, Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1957, 96 p. (In Russ.).

Sushkov A.V. *The Case of the "Tank King" Isaac Saltzman*, Yekaterinburg, Institut istorii i arkheologii UrO RAN, 2016, 300 p. (In Russ.).

Voslensky M.S. *Nomenklatura: The Soviet Ruling Class*, Moscow, Sovetskaja Rossija & Oktjabr', 1991, 624 p. (In Russ.).

Yakovlev A.N. *Whirlpool of Memory. From Stolypin to Putin: in 2 books. Book 1*, Moscow, 2001, 624 p. (In Russ.).

Zinoviev A.A. *Communism as a Reality*, Moscow, Centrpoligraf, 1994, 495 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Александрович Коряковцев

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-8819-8626;
ResearcherID: ISB-6473-2023;
SPIN-код: 2411-4360;
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Koryakovtsev

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-8819-8626;
ResearcherID: ISB-6473-2023;
SPIN-code: 2411-4360;
E-mail: akoryakovtsev@yandex.ru